

Михаил Толмачев

Мир искусства

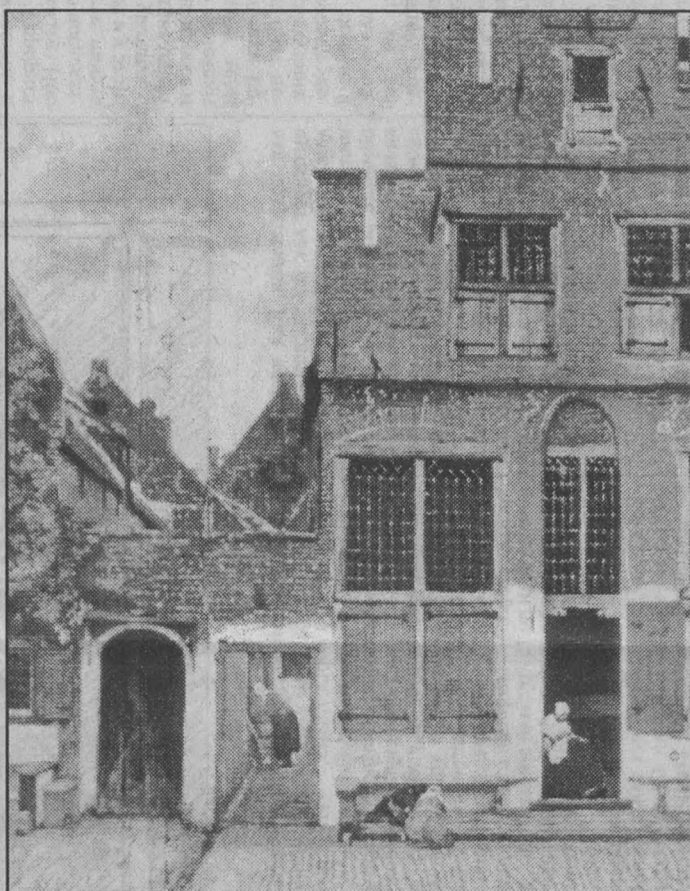
«...с трудом опознанный под этим именем — Вермеер»
Марсель Пруст

НОВАЯ РЕПУТАЦИЯ

СЧИТАЕТСЯ, что Вермеер — подобно Эль Греко — одно из художественных открытий второй половины XIX века. Не признанный при жизни, забытый после смерти, он был извлечен из мрака забвения благодаря французскому критику Торэ (Бюргеру) и в свете революционного переворота, осуществленного в живописи импрессионистами, получил подобающий ему ранг одного из величайших мастеров кисти.

Действительно, гением Вермеер стал в эстетическом сознании новейшей эпохи. Но его никогда не забывали, о чем свидетельствует история голландского и европейского собирательства, и «отверженным» своего времени он отнюдь не был. Судьба его наследия, быть может, лишь самый поразительный пример возникновения новых репутаций в искусстве прошлого под воздействием вкуса современности — отказывающегося от традиционной шкалы ценностей и отчасти модернизаторского в своей увлеченности.

Научный каталог вашингтонско-гаагской выставки (издатель-

Уличка. Ок. 1658

ность у Вермеера предельно «на-
тюрмортизирована». И абстраги-
рована она не менее, чем у Клода
Лоррена: только тот сводит мно-
гообразие мира к неким идеаль-
ным моделям, а Вермеер сообщает
беспримечную иллюзию до-
стоверности готовым сюжетно-
композиционным схемам голлан-
дской жанровой живописи (в ка-
талоге выставки приведены «про-
тотипы» ряда его картин). Можно
даже сказать, что Вермеер —
классицист. Во всяком случае «хо-
рошего вкуса» Версаля он не шо-
кировал бы. Если бы Король-Со-
лнцу вместо жанров Тенирса и
Ван Остаде были показаны карти-
ны Вермеера, указующий жест
трудолюбия и слова: «Убрать отсюда
этих урогов!» — не имели бы
места.

АЛЛЕГОРИЯ ВЕРЫ

Вермеер-«классик» — это его
центральные, 1660-е годы. Что-то
надломилось в его творчестве с
началом следующего десятилетия.
Техника несколько упрощается,
мягкое освещение и цветовая гар-
мония интерьеров уступают место
прозрачному свету, четко обо-
значающему контуры предметов и
локальные цвета («Дама перед
шпинетом» и «Дама за шпинетом»). Красота подходит к самой
границе красоты, красочность
грозит обернуться декоративиз-
мом. К этому времени
(1671—1674) относится такая
странная и необычная для Верме-
ера картина, как «Аллегория ве-

ВЕЛИКИЙ «МАЛЫЙ ГОЛЛАНДЕЦ»

Независимая газ. - 1996 - 5 июля - с. 7

Самая громкая «выставка года» переехала из Гааги в Токио

ство и типография Ваандерс в г.
Эволле) аккумулировал всю сум-
му сегодняшних сведений о Вер-
меере. Иоханнес (Иоаннис, или
Ян) Вермеер родился в голлан-
дском городе Делфте, располо-
женном примерно на полпути
между Гаагой и Роттердамом, и
был крещен в тамошней Ниве
Керк (Новой церкви) 31 октября
1632 года. Его отец, родом из
Фландрии, по профессии ткач
шелка, подвизается в Делфте как
торговец картинами и в этом ка-
честве занесен в списки гильдии
художников св. Луки. Собрав известное состояние, он покупает
большой дом с постоялым двором
на Рыночной площади, хотя торго-
вую картину не бросает. После
смерти отца Иоханнес пере-
нимает дело, но основным его
занятием становится живопись.

О формировании Вермеера как
художника ничего не известно.
Мы не знаем, кто были его учи-
теля, где и сколько он учился, на-
сколько был образован, выезжал
ли когда-нибудь за пределы Ни-
дерландов. Документы хранят по-
ти полное молчание о контактах
Вермеера с современными ему
голландскими художниками.
Молчат источники и о том, как
были встречены в 1650-х годах
первые шаги Вермеера на по-
прище живописи. Но ясно, что к
1660-м годам его известность вы-
ходит за границы родного города:
его посещают путешественники
— француз Бальтазар де Монко-
ни, который счел цены на его
картины слишком высокими) и
нидерландец Теддинг ван Беркхотт,
называющий его знаменитым ху-
дожником, «наиболее необычно и
любительно проявившим себя в
области перспектив». К маю
1672 года относится весьма крас-
норечивое свидетельство: худож-
ника вызывают в Гаагу для экс-
пертизы итальянских картин.

Несмотря на авторитет в худо-
жественной среде, Вермеер испы-
тывал большие материальные
затруднения. Картины его цени-
лись высоко, но работал он чрез-
вычайно медленно и тщательно, с
малой продуктивностью. Неуди-
вительно, что он неоднократно
прибегал к займам для содержа-
ния весьма многочисленного се-
мейства (у него с женой было 15
детей, из коих 4 умерло в младен-
честве).

После смерти Вермеера в воз-
расте 43 лет (погребен 16 декабря
1675 года в Уде Керк — Старой
церкви Делфты) остались 10 не-
совершеннолетних детей и боль-
шие долги. Имущество, в том чис-
ле 26 картин художника, было
продано с торгов. Интересно от-
метить, что душеприкащиком ху-
дожника, сосредоточенного на
перспективе и оптических эффек-
тах, городские власти назначили
изобретателя микроскопа Антони
ван Левенгука, который сделал
все, чтобы помешать вдове и теще
Вермеера пустить от торгов кар-
тину «Аллегория живописи», или
«Мастерская живописца».

ОТ АНЕКДОТА ДО GRAND ART

В настоящее время известно 35
бесспорных картин Вермеера. Не-
многочисленность его наследия и
мощная реклама, заработавшая с
лета прошлого года, позволяли на-
деяться, что на выставке зритель
сможет в оригиналах увидеть
«Всего Вермеера» (изданного ко-
гда-то Андре Мальро в «Галерее
Плеяды» у Галлимара). Увы, этого
не произошло. На выставке было
представлено достаточно много
полотен: 22 бесспорных картины
и одна работа круга Вермеера, но
отсутствовали такие капитальные
вещи, как дрезденские «У сводни»
и «Девушка с письмом у откры-
того окна», венская «Мастерская
художника», парижский «Астро-
ном». Без них представление о
художественном мире Вермеера

существенно обедняется. И лишь
поразительная щедрость собра-
ний США — страны, никогда не
забывающей о своем долге Старо-
му Свету — все же позволила
выставке стать одним из самых
значительных культурных собы-
тий конца XX века.

Вермеер начинается с картин в
историческом жанре, в которых
весьма ощутимо влияние ита-
льянской живописи. Здесь нет еще
того, что обычно связывается с
именем «Вермеер», но даже в на-
иболее несамостоятельном по-
лотне («Святая Пракседа») изме-
нения, внесенные в трактовку
головы Святой (удлинение лица,
искусное распределение на нем
светотени) делают ее близкой к
женскому типу зрелых работ Вер-
меера. Что касается «Христа у
Марфы и Марии» и «Дианы с
нимфами», то эти картины как
будто говорят в пользу итальян-
ского путешествия, предпринято-
го в начале 1650-х годов; уроки
итальянской живописи помогли
Вермееру поднять жанровую
картину с уровня художественно-
го анекдота на уровень grand art
— высокого, классического ис-
кусства.

Связующим звеном между
ранним и зрелым Вермеером яв-
ляется картина «У сводни», и ее
отсутствие на выставке особенно
досадно. Картина, с ее красоч-
ностью и даже цветистостью, пока-
зала бы, что обращение от ре-
презентативного исторического
жанра к менее амбициозному,
бытовому, не сразу привело к
тому художественному самоогра-
ничению, в котором, по слову Ге-
те, познается мастер. Это — по-
следняя более или менее «сюжет-
ная» картина Вермеера (по край-
ней мере, в современном понима-
нии). В дальнейшем момент со-
бытия (тем более, достопамятно-
го), в картинах отсутствует: перед
нами остановленный миг бытия,
существование в его временной
сущности, под знаком вечности,
sub specie aeternitatis.

Техника Вермеера становится
более изысканной; от широкой,
местами пастозной манеры он пе-
реходит к мелким, почти точеч-
ным мазкам, создающим иллюзию
световой вибрации на поверхно-
сти предметов. Роль первосте-
пенного структурного элемента
его картин начинает играть пер-
спектива — как линейная, так и
воздушная. Жанрово-стилистиче-
ские изменения связывают с вли-
нием на Вермеера Питера де Хо-
та, а также Адама Пейнакера.
Вообще Вермеер принадлежит к
тому типу художника, который
«берет свое добро там, где его на-
ходит». Иллюзия «второй реаль-
ности» в их произведениях обман-
чива: не в меньшей степени, чем
«жизненные» энциклопедии, они — энциклопедии художест-

венные и литературные. Но пре-
ображенные чужие темы и образы
становятся здесь значительнее
своих прототипов благодаря без-
зукоризненному чувству стиля,
композиции, живописной тексту-
ры.

ХОЛОДНЫЙ ХУДОЖНИК

...Вглядываясь в картины Вер-
меера, не можешь отделаться от
вопроса: так ли велик великий
Вермеер, каким его видит «вкус
нашего времени»? Не имеем ли
мы дело с известной абберацией
этого вкуса, вполне объяснимой в
русле общего развития европей-
ской культуры с середины XIX
века? Да, конечно, прав прустов-
ский Бергот: стенка в «Виде Дел-
фты», написанная желтой крас-
кой, очаровательна. Можно по-
нять Ренуара, считавшего лувр-
скую «Кружевницу» лучшей кар-
тиной в мире. Дух захватывает от
цвето-световой маэстрии «Де-
вушки в красной шляпе». И слова
бессильны передать золотистое
очарование «Жемчужного оже-
релья»...

Но выдерживает ли сегодняш-
няя слава Вермеера испытание
столь репрезентативной выстав-
кой (ведь в них всегда таятся опас-
ности, даже для мастеров такого
ранга)? Мир Вермеера прелестен,
но не слишком ли узок, не слиш-
ком ли однообразен этот мир?
Конечно, можно и в росинке «ви-
деть вечность», но присутствует
ли она в драгоценных созданиях
Вермеера — не как остановлен-
ный миг бега времени, а как устр-
емленность к некоторым основ-
ным проблемам человеческого
существования? Чтобы не иску-
шать себя подобными вопросами,
не стоило, наверное, после осмотра
выставки подниматься в верх-
ний этаж Маурицхейсы, где раз-
местилась потеснившаяся на вре-
мя постоянная экспозиция. После
«Анатомии д-ра Тульпа» Рем-
брандта, его «Ныне отпускаеши»,
«Сусанны», «Автопортрета в
старости» и даже после не лучше-
го Гальса, впечатление от Верме-
ера заметно померкнет. Неиз-
бежно вспоминаешь известнейший
спор, в котором Золя в ответ на
слова Флобера о том, что в лите-
ратуре важна только хорошо на-
писанная фраза, возразил, что в
«Госпоже Бовари» есть нечто,
кроме хорошо написанной фразы,
благодаря чему книга будет жить
в веках. Отсутствующее в Верме-
ере «нечто» — это отсутствие в его
универсуме Бога, ощущаемого че-
рез любовь к мирозданию, к
ближнему.

В сущности, Вермеер художник
очень холодный. К персонажам
своим он безразличен. Человек у
него **стаффаж** интерьера или пейза-
жа — не более того. В немно-
численных безымянных портре-
тах на первый план выступают
чисто живописные задачи. Реаль-

ры». Художник не чуждался ал-
легоризма, он присущ ряду его
картин, но мы вправе им прене-
бречь, воспринимая лишь непосред-
ственную реальную данность
его образов. Здесь же аллегория
стала содержанием картины —
восприятие только на уровне
зрительного образа просто невоз-
можно. Предполагается, что кар-
тина была заказная; возможно,
она была заказана иезуитами, во
всяком случае содержание ее от-
вечает представлениям католиче-
ской церкви того времени (сам
Вермеер незадолго до женитьбы
на католичке перешел из протес-
тантства в католицизм). Но какая
она-искусственная, каким нату-
жливим, выпрененным, глуповатым
предстает ее аллегоризм!

Интересно отметить, что неко-
торое время картина обреталась в
России. В конце XIX века как
произведение Э. ван дер Неера ее
приобрел один из братьев-коллек-
ционеров Щукиных — Дмитрий
Иванович. Но непререкаемый
авторитет московских собирате-
лей Илья Остроухов отсоветовал
ему держать «картинку» в своем
собрании (история красочно рас-
сказана в «Профилях» Абрама
Эфроса). «Аллегория» ушла об-
ратно на Запад, ее приобрел в
свою личную собственность мно-
голетний директор Маурицхейсы
Абрахам Бредиус — он установил
бесспорную принадлежность ее
Вермееру, но и расстался с этой
«неприятной», по его словам, кар-
тиной и, в конце концов, «Алле-
гория веры» оказалась в Америке.

Религиозная живопись, с кото-
рой Вермеер начинал свой твор-
ческий путь, явно оказалась ему
не по плечу. Во всяком случае
здесь он и отдаленно не при-
ближается к таким мастерам, как
Рембрандт, Рубенс, Ван Дейк. Что
причиной тому: уровень или ес-
тественные границы дарования,
религиозная индифферентность?
Бесспорно одно: Вермеер, конечно,
велик, но это великий «малый
голландец» XVII века. Может
быть, поэтому он относительно
легко поддается стилизации и
подделкам. Одновременно с вы-
ставкой в Гааге роттердамский
Кунстхал проводит выставку пре-
словитого Хана ван Меегерена
(1889—1947), поставившего на
художественный рынок 30—40-х
годов поддельных «Вермееров».
На его фальшивках попался сам
Бредиус (не только Остроухов
ошибался — и, к своей чести, он
не имел на счету ни одной при-
знанной за подлинник подделки).
В окружении собственного твор-
чества Меегерена видно, как мно-
го от него самого в его «Верме-
ерах».

Головка девочки. Начало 1660-х. Фрагмент.

Мастерская живописца. Ок. 1665